

16+

УБИВАЯ ВРЕМЯ

А. КРАСНИЧ

Алина Краснич

Убивая время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49763880

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы все убиваем время. Кто-то скучает, кому-то грустно, а другому просто надоело ждать. Джек – особенный. Он убивает чужое время. И он позволит нам ненадолго заглянуть в его мир.

В книге представлены девять историй о разных людях, убивающих свое время. У них особые мотивы и желания, но всех их объединяет встреча с Джеком, а также нечто иное.

Содержание

Эпизод 1: Спящая красавица	4
Эпизод 2: Смоляное чучелко	13
Эпизод 3: Молодильное яблоко	21
Эпизод 4: Кощей	28
Эпизод 5: Кривое зеркало	37
Эпизод 6: Злая королева	44
Эпизод 7: Серый волк	53
Эпизод 8: Белоснежка	62
Эпизод 9: Волшебник Оз	68
Послесловие	75

Алина Краснич

Убивая время

Эпизод 1: Спящая красавица

В дверь постучали. Нина вздрогнула и ненароком воткнула иглу в палец. На подушечке проступила алая капля. Поморщившись, Нина поднесла палец к губам и слизнула кровь. После медленно поднялась, отложила штопанную футболку и дошла до двери. По дороге она споткнулась об открытую коробку, полную ненужных вещей, и чуть не сбила пальто с вешалки. Пальто печально качнуло выцветшими рукавами.

На пороге стоял мужчина средних лет. Ему одинаково могло быть как тридцать, так и пятьдесят. Смуглая загорелая кожа маскировала возраст. Одет он был в коричневый твидовый костюм, а его голову покрывала широкополая шляпа кофейного оттенка. Если заглянуть под нее, можно было увидеть непрестанно щурившиеся узкие глаза, так что и не понять, какого цвета они были, а также ясную улыбку-полумесяц.

– Я не ждала вас так рано. Проходите.

Нина рассеянно взглянула на часы: отбили восемь. Потом оглядела мужчину с головы до ног и ступила в сторону. Про-

ходившая мимо соседка с болонкой бросила на них красноречивый взгляд. Нина коротко с ней поздоровалась и, дождавшись, пока та уйдет, вернулась в кресло, одиноко стоявшее у окна посреди упакованных вещей. Мужчина прошел внутрь, прикрыв за собой дверь.

На ножки кресла упали солнечные лучи, выбелив полосы тщательно вымытого паркета. Нина, не зная, куда деть руки, сложила их на футболке, которую подшивала.

– Как мне вас называть?

– Как пожелаете.

– У вас нет имени?

Мужчина улыбнулся еще шире, чем раньше. Полумесяц стал напоминать разрезанную лимонную дольку. Нина сделала пару стежков и закончила со штопкой.

– У меня слишком много имен, чтобы выбрать среди них одно.

– Мне кажется, вам подойдет имя Джек.

– Вы правы, из меня получится отличный Джек.

Он сел, выбрав место на ветхом комод. Комод хозяева решили оставить при переезде, среди груды коробок и мешков он выглядел оплотом старой жизни, которую неизменно должна сменить новая.

На полминуты повисло молчание. Нина непрерывно смотрела на Джека. Джек, вероятно, смотрел на нее в ответ: по прищуренным глазам разобрать не получалось.

– Как вы это делаете?

– У меня свои методы.

– Не похоже, что они работают.

– Неужели?

Полы шляпы картинно описали полукруг, когда Джек повернул голову к настенным часам. Стрелка медленно подползла к девяти. Нина охнула и прикрыла ладонями рот.

– Но вы же...

– Только что вошел? С интересным собеседником время летит незаметно.

Джек коснулся двумя пальцами шляпы, приподняв ее, что наполовину оголил лоб. Теперь стало видно, что волос у него на голове совершенно нет. Он был лыс как яйцо, и морщинист как поношенный башмак.

– Что вышиваете?

– Вышиваю?.. – Нина опустила взгляд на рукоделие. – Это подарок для моего брата. Ему недавно исполнилось одиннадцать. Мама с папой увезли его на лето к морю. Там хорошо. Море синее и прозрачное, а на самом дне видно гальку. Волны прибывают к пляжу, ровные камешки ложатся друг на друга. Иногда среди них попадаются ракушки крабов-отшельников или захлопнутые мидии. Если поспешить, их еще можно вернуть в воду, и тогда они выживут.

Нина мечтательно прикрыла глаза. Перед ее мысленным взором пронеслись далекие воспоминания о времени, которое она проводила с родителями в отпуске. Они снимали маленький домик на берегу. По его стенам ползли виноградные

лозы, а по вечерам закатное солнце рисовало на них яркие облака.

– Почему они не взяли вас?

– Я уже взрослая.

С легкой улыбкой Нина посмотрела на вышивку. В переплетении ниток прятался белый дом на побережье, окруженный барханами. На его фоне стояло четверо маленьких фигурок, последняя из них была еще не доделана.

Джек подошел к креслу, взглянув на рукоделие. Он завис сверху, и солнечные лучи запутались в твидовых складках пиджака, отразившись в крупных блестящих пуговицах. В них же отпечаталось бледное лицо Нины и ее подернутый туманом взгляд. Она неторопливо подняла голову.

– Что-то не так?

– Разве он не был вашим сыном?

Палец с ногтем-лопатой коснулся недошитой фигурки. Нина нахмурилась и тщательней вгляделась в рукоделие. Воспоминания о море сменились картинками марципаново-зеленого леса. Стволы сосен ровным строем уходили далеко ввысь, а кроны терялись над головой. Душистый насыщенный аромат хвои и смолы витал в воздухе свежестью и притягивал птиц. Под ногами скрипели иголки. Из-за деревьев выбежал мальчик, но стоило ему приблизиться, как он растворился в пуговице Джека. Нина устало коснулась век, потеряв их.

– Ах, не знаю, столько времени прошло...

Она украдкой взглянула на часы: ровно двенадцать. Тени стали совсем короткие, за окном пошел снег.

– Странно, снег и в июле.

Нина зябко поежилась и отложила вышивку. Коробки и ящики раскинулись кругом серостью, будто их устлали невидимые паутины. Джек прошелся по комнате, на полу протоптались отчетливые следы. Там, где прогуливался он, они коричневели так же, как его костюм.

– Вы хотите увезти все эти вещи?

– Сказать по правде, я не хотела. Это все Эрик.

Джек сложил ладони за спиной, задержавшись у картины с котятками. Нина, уловив его заинтересованность, поспешила объясниться:

– Эрик говорит, она не впишется в интерьер.

– Ваш муж?

– Да. Эрик нашел для нас отличный дом ближе к его работе. Он на пересечении двух улиц, там всегда шумно. Я не думала переезжать, это Эрик настоял. Он ученый. Знаете, какие они. Всегда в работе, никогда не бывают дома.

Губы Джека на секунду сложились, вытянувшись в струну, а потом разошлись яркой улыбкой. Крупные квадратные зубы обнажились оскалом.

– Имел честь быть знакомым с несколькими из них. Прекрасные клиенты.

Так же, как до того вышивки, палец коснулся картины. Ноготь впился в нее сильнее, чем надо, оставив отметину,

а потом и вовсе продырявил картину насквозь, расковыряв холст. Джек склонил голову к плечу, придиричиво прищурился.

– Он ведь умер.

– Кто?

– Ваш муж.

– О чем вы...

Нина осеклась на полуслове и принялась за вязание. Клубок скатился с коленей, развернувшись красной нитью. Добравшись до начищенного ботинка, он печально затих. Джек подобрал клубок и двинулся к креслу, мерно сматывая нить.

– Эрик... Он был хороший. Когда появились внуки, ему нравилось сидеть с ними. Всегда смеялись, нам было так весело. По воскресеньям мы собирались за столом всей семьей и обязательно играли в карты или Монополию. Это была наша традиция. Эрик сам готовил ужин, он божественно запекал картофель с овощами.

Счастливые лица за одним столом, звон вилок и ложек о тарелки. Бесконечные разговоры и улыбки; сердца, соединенные нерушимыми узами. Семейный альбом полнился от фотографий. Одна из любимых: Нина играет в карты с внучкой. Джесс была непоседливой и страстной, а еще любила выигрывать. Нина ей поддавалась, причитая, какая бабушка дурочка. Джесс это нравилось.

Тени за окном вытянулись, обратившись призраками забытых вещей. Часы подступили к отметке в десять. Ветер,

хлынувший в разбитое стекло, донес сухой лист, опавший на шарф. Нина продела последнюю петлю и кончила вязание.

– У вас отлично получилось.

– Спасибо. Держите, это для вас.

Джек склонился, приняв подарок. Взяв нить на зуб, он рывком подбородка оборвал ее, оставив лишь небольшой отросток. После накиннул шарф поверх костюма и широко улыбнулся.

– Мне идет?

– Ох, прекрасно выглядите. Только, кажется, мы засиделись. Я должна была... Должна была... Совсем вылетело из головы! Сколько прошло времени?

В стеклах расплескалась луна, наполнив стены ночной прохладой. Часы отбили полночь. Джек приподнял шляпу.

– На этом откланяюсь.

– Подождите, мистер... Совсем забыла ваше имя, вот же!

Память подводит.

– Джек, просто Джек.

– Так, а для чего вы вообще приходили?

Джек обвел взглядом комнату, погребенную под грязью и пылью. Коробки и мешки покрылись махровыми зарослями. Стены истощились, будто стоило дунуть – и развалятся. Пол просел. Старуха, одиноко сидевшая в кресле, еле удерживала в худых пальцах вязальные спицы.

– Вы просили помочь вам убить время.

– Время... – Нина подслеповато прищурилась: – О, пом-

ню, в мою юность, когда я переезжала в общежитие... Что-то такое далекое... Точно, я нашла это в газете. Забавное объявление: “Убийца времени”. Мне было скучно, я позволила... Будто сотню лет назад! Неужели вы знакомы с тем джентльменом? Вы так на него похожи.

– Вам показалось.

У двери Джек обернулся. Улыбка натянула кожу на щеках, собрав морщины у скул. Острые как пики ресницы надежно скрыли любое выражение, какое могло промелькнуть в глазах.

– Я пойду. Хорошего вечера, мадам.

– И вам, до свидания.

Старуха закрыла глаза и откинулась на спинку кресла, погружившись в глубокий сон. Джек покинул ее пропахшую нафталином и плесенью квартиру, выйдя в коридор. Мимо, возвращаясь с прогулки, проплыла женщина с болонкой.

– Как вам погода?

– Дождь собирается, – холодно ответила она и свернула за угол.

Джек вежливо кивнул.

На крыльце дома он остановился, сунул ладонь за лацкан пиджака и достал из внутреннего кармана серебряный портсигар. Выудив толстую сигарету, закурил. От выдохнутого дыма крылья носа раздулись как у хищной птицы. С севера надвигалась туча. Когда Джек подошел к старенькому фольксвагену, первые капли разбились о лобовое стекло.

Джек перекинул сигарету из правого угла рта в левый и задумчиво посмотрел в окно на третьем этаже. Дождь размазал по раме кляксы черными пауками. Докурив, Джек кинул окурок на землю и прижал носком ботинка. Затем сел в машину, завел мотор и уехал.

А дождь все моросил по немытому стеклу. Вместе с ним на третьем этаже в маленькой квартирке провалилась в дивный сон старушка Нина. И во сне она видела свою ушедшую молодость.

Эпизод 2: Смоляное чучелко

Басы били по ушам. Алек накатил шот, шумно выдохнул и утер рот тыльной стороной ладони. Танцовщица у шеста провернулась кругом и зависла в воздухе, широко разведя ноги. Алек оценил это довольной ухмылкой. Блондинка, сидевшая рядом, зашлась приторным смехом. Алек с раздражением забрал у нее бокал с розовым коктейлем и выпил его сам.

– Зая, ты чего?

Она обиженно надула губы. В ее расширившихся зрачках отразились огни стойки диджея. Алек махнул рукой – уходи, надоела. Она поднялась, покачнувшись на каблуках, торопливо одернула короткую юбку из Зары и потопала к другому парню. Дешевка. С Алеком ей ловить нечего.

– Какое шоу.

На еще теплое место опустился мужчина средних лет. Его твидовый костюм был отлично сшит, прямо с иголки. Со всем не модный, но жутко дорогущий. Алек прикинул в уме, сколько бы тот мог стоить, и пришел к мысли, что до десяти кусков.

– Это какой Дом? Прада? Армани?

– Дизайн на заказ.

– Вот оно что.

Алек махнул рукой официантке, рассекавшей среди сто-

ликов с напитками в легком платье. Она участливо подошла.

– Мне и моему другу еще по шоту...

– Я буду виски.

Незнакомец поднялся в глазах Алека на пару пунктов. Он был не так прост, как хотел казаться.

– Два стакана самого дорогого виски, какой есть. И та девушка, которая сидела со мной, включите в счет ее пойло. Не знаю, что это было, но вкус отвратный. Вычеркните из меню, не позорьтесь.

Официантка сдержанно приняла заказ и двинулась к бару. Алек растекся по кожаному дивану и обвел мутным взглядом толпу. Он не помнил, сколько выпил, но людские силуэты слились в однотонные постоянно двигавшиеся пятна. Следовало притормозить.

– Так, а ты кто будешь?

– Можете называть меня Джек.

– Просто Джек? – Алек недовольно вскинул бровь, а потом широко зевнул: – А, ладно. Бизнес? Бизнес у тебя какой?

– Я убиваю время.

Алек подобрался, моргнув. Подскочив на диване, он обернулся к собеседнику и с интересом взгляделся в загорелое лицо. Его встретила улыбка-полумесяц.

– Точно-точно! Ты мне звонил!

– Это вы мне звонили.

– Неважно. У тебя знакомое лицо. Мы не пересекались в Андах?.. В прошлом году я ездил туда на горнолыжный

курорт. Сервис отвратительный! Как же он назывался... Не вспомню уже. Их было так много.

Подоспела официантка с желтоватым виски. Алек подхватил стакан и сделал глоток, поморщившись.

– Лучший? Ну и забегаловка.

Алек повернулся к Джеку целиком. Тот напоминал всех знакомых средних лет разом и вместе с тем – никого из них. Он имел будто бы самое обычное и самое уникальное лицо одновременно.

– Так, а в чем суть? Ну, как ты это делаешь?

– По-разному.

– Конкретнее? – Алек приложил ладони к своему дорогому пиджаку от Гуччи. – Например, мне надо убить время. Завтра улетаю в Лондон, делать нечего, пришел сюда. Девки, выпивка, трава – все мне давно надоело. Чем можешь помочь? У тебя есть какой-то прайс или чо-то такое?

Похлопав по карманам, Алек нашел, наконец, пачку сигарет и принялся искать зажигалку, которая куда-то запропастилась.

– Черт!

– Прошу.

Перед носом Алека открылся серебряный портсигар. Алек восторженно округлил глаза, тут же выкинув свою пачку на стол и схватив сигарету. Повертев ее в пальцах, он удовлетворенно кивнул.

– Джордж Карелиас – отличный выбор. А ты знаешь цену

вещам.

Почесав нос большим пальцем, Алек склонился к протянутой зажигалке марки Зиппо. Прикурив, он с наслаждением затянулся и выдохнул облачко дыма над головой. Оно смешалось с сизым туманом, шедшим от сцены. Танцовщицу заменил скучный, но крайне трендовый стендапер.

– Надо будет сфоткаться с ним, – пробормотал Алек, вытащив сигарету изо рта и повертев ее на пальцах. – Так, о чем мы?.. А, да. Убить время. Заплачу двойную цену от привычной, если развлечешь меня лучше, чем он.

Без тени стеснения Алек тыкнул в сторону сцены, презрительно хмыкнув.

– Между нами, такая лажа. Но чего не сделаешь ради тусовки, да? Бывшая просто писалась от восторга на его сольнике. А я вообще не понимаю. Он ж ничего не делает, только языком мелет. Я таких десятков нанять могу, они мне еще канкан станцуют. Зря, что ли, папаня столько работал.

– Разве это не ваш бизнес?

Алек перевел взгляд на Джека и на секунду замолк, хлопнув глазами. Что-то в его голове не складывалось. Видимо, перепил. Да и вообще мутный тип этот Джек. Они уже столько просидели вместе, а он еще ничего о себе не рассказал. Кстати, сколько – столько? Вытащенный из кармана айфон заботливо отразил время: три ночи. Алек мотнул список пропущенных вызовов и выключил мобильник. Ему не было дела до тех, кто написывал ему тоннами. Нужные лю-

ди всегда могли выйти с ним на контакт, а ненужных проще было отослать к секретарю.

– Да, мой. И я неплох, да? Ха-ха. Недавно так поднялся, когда акции скупил. Никто не верил в эту сраную робототехнику, да и я тоже. А оно вон как вышло. Хорошо, биткоины успел слить. И еще этот гад... Вовремя разошлись с партнером. Все как у всех.

Усмехнувшись, Алек потянулся за сигарой, которую ему услужливо принесла официантка. Она чуть нахмурилась, будто недоверчиво, а потом все-таки передала ему сигару и стакан виски в придачу. Алек прикурил от протянутой зажигалки и с наслаждением отклонился на диване назад. На сцене будто сам собой нарисовался джазовый коллектив. Девушка в блестящем платье запела что-то из Синатры, люди за деревянными столиками поддержали ее сдержанными хлопками.

На груди потяжелело. Алек опустил взгляд, уставившись на собственный живот, едва сдерживаемый ремнем. Он натягивал красную рубашку и вот-вот грозился порвать пару пуговиц. Алек с всхрапом подтянулся, сев прямее. Живот немного разгладился, но, в целом, отличие было не особо заметно.

– Если не сбросите вес, начнутся проблемы с сердцем.

Джек рядом осклабился. Его крупные зубы перелились в полутьме жемчужным ожерельем. Алек пересчитал первый ряд зубов и вновь поднес сигару к полным губам.

– Отличные у тебя зубы. А я вот свои все прокурил. За сколько сделал?.. Нет, не говори, сам угадаю. Я вот на свои сотку спустил. У тебя точно не меньше.

Улыбка-полумесяц расплылась еще шире, как если бы ее натянули ниточки до ушей. Из-под краев шляпы показались узкие глаза. Алек только сейчас понял, что не может разоб-
брать их цвета, так сильно Джек щурился.

– Зрение у тебя ни к черту, да? У меня вот тоже в послед-
нее время. Жена уговаривает сделать операцию, а я боюсь, представляешь? Так что вот. Всегда с собой ношу на всякий случай.

Алек, пыхтя, вытащил очки из кармана и водрузил их на нос. Мир преобразился, наполнившись четкими красками и образами. Джазовый концерт кончился, теперь сцену занял классический оркестр. Играли Шуберта.

– Никогда не понимал классической музыки, – доверчиво поделился Алек, уложив пустой футляр на свободное кресло рядом. Во фраке карманов не было. – Мать моя, царство ей небесное, любила. Да мне вкуса не привила.

– Давно не видели ее?

– Померла она.

Грузно вздохнув, Алек нащупал платок и вытер пот со лба. В последнее время он часто потел, да и ходил тяжело. Пальцы ожирели и напоминали толстые сосиски. Ими с трудом удавалось вскрыть даже пачку сигар.

– Где эта чертова программка? Хоть посмотрю, что они

там бряцают. Ничего ж не понятно. Все эти симфонии как под копирку. Тут пилик, там пилик – и все.

Джек подал программку. Алек ее развернул и уставился на строчки невидящим взглядом. Буквы плыли, сливались в однородную линию. Они вытягивались причудливыми фигурками и застывали неразборчивыми кляксами на типографской бумаге.

– Какая погода сегодня?

– Чего?

– Какая сегодня погода?

Алек надсадно крикнул и перелистнул пожелтевшую страницу газеты. Современные гаджеты упорно не реагировали на его прикосновения, так что он вернулся к печатным изданиям. К тому же, это считалось статусным. Громко кашлянув, Алек почесал третий из двойных подбородков.

– Ясно, дождя не будет. Неужели в Лондоне тучи разойдутся? С нашим-то смогом! Это, как еще говаривал господин Черчилль...

– Как чудно. Мне пора.

Джек встал. Алек с удивлением посмотрел на него поверх газеты. Молоденькая официантка принесла чашку кофе, метрдотель вежливо сообщил, что президентский люкс готов. Алек довольно причмокнул толстыми губами.

– Надеюсь, вы приятно провели время.

– Да разве в моем возрасте это возможно!

Алек жутко и надсадно закашлялся. Дым давно выел лег-

кие, и теперь спазмы душили похлеще виселичной петли. Джек приподнял шляпу, улыбнулся и направился к выходу из отеля, на ходу подхватив свежий номер Таймс со стойки.

За его спиной Алек захрипел, схватился за сердце и закинул круглую голову на спинку кресла. Официантка завизжала, бестолково забегал метрдотель. Но было поздно.

В остекленевших глазах отразился расписанный золотыми завитками потолок. Богатый, вычурный и абсолютно безвкусный. Он был последним, что Алек увидел в своей жизни.

Эпизод 3: Молодильное яблоко

Теодор закусил губу и бросил взгляд на наручные часы. Стрелка медленно подползла к восьми, а Марии все еще не было. Она никогда не отличалась пунктуальностью, но в этот раз они договорились встретиться в семь. Теодор ждал в их любимом парке под одиноким фонарем. Оба соседних перегорели, оттого островок света казался единственным спасением в непроглядной тьме. Из-за верхушек деревьев еле пробивался свет с других аллей, а огней домов за пределами зеленой зоны и вовсе не было видно.

– Добрый вечер.

Сначала из темноты выплыла улыбка. Широкая, почти от уха до уха, она нарисовалась в воздухе полумесяцем. На белых зубах ровно перелились отблески лампы. Позже появился ее обладатель: высокий человек в коричневом костюме. Его лицо наполовину скрывалось под шляпой, а кожа отдавала нездоровым землистым оттенком, заметным даже через загар. Сухие губы потрескались как при сильном обезвоживании.

– Здравствуйте, – несмело проговорил Теодор и отвел взгляд.

Ему вдруг стало неловко. Он прижал к груди букет из ромашек и незабудок, упакованный в плотную бумагу. Темно-синяя лента, обвязанная бантом, проехала по ладоням.

Незнакомец целиком вышел на свет. Он оказался выше Теодора на голову, а его несуразно длинные руки плетьюми свисали вдоль короткого тела.

– Не найдется закурить?

– Не курю.

Улыбка стала ярче. Она притягивала взгляд, как неизбежно примагничивается он к танцу королевской кобры, раскрывшей цветастый капюшон. Теодор сглотнул и будто невзначай ступил назад. Незнакомец же вразвалку подошел и прислонился к фонарному столбу плечом. Сунув костлявую ладонь за лацкан пиджака, он достал портсигар и вытащил одну сигарету. После похлопал по карманам в поисках зажигалки и, наконец, нашел ее в карманах брюк. Весело заплясавший огонек лизнул табак. Мужчина с наслаждением прикурил, сощурился и без того раскосые глаза.

– Ждете кого-то?

– Да.

Дымное кольцо сорвалось с конца сигареты и раскрылось цветком. Теодор чихнул и переложил букет в левую руку, будто бы так мог спрятать цветы от навязчивого запаха.

– Она не придет.

Незнакомец был слишком наглым. У Теодора мелькнула мысль, что это грабитель, который зачем-то его прощупывает. На курсах по психологии говорили, что перед такими надо показывать себя уверенно, потому Теодор расправил плечи и вытянулся по струнке, гордо вскинув подбородок.

– Вы о ней ничего не знаете, – непримиримо ответил он. – А теперь, если позволите, мистер...

– Джек.

– Джек?..

– Просто Джек.

– Хорошо. Так вот, мистер Джек, если позволите, я бы хотел остаться в одиночестве.

И Теодор сделал пару шагов к тени, разорвав расстояние между ними. Губы Джека разошлись в стороны так, как если бы от углов его рта к ушам протянулись марионеточные лески.

– Не придет, – хрипло отозвался он, – времени уже.

– Не знаю, что вы себе надумали о моей Марии, но она не такая, как все. Она другая.

– Любит ромашки и незабудки?

Вопрос прозвучал издевательски. Теодор почти обиженно взглянул на обмякший букет. Лепестки подернулись едва заметными коричневатыми полосами, а запах насытился сладостью.

– Да, любит.

– Это не та ли Мария, что работает в регистратуре?

– Откуда вы знаете?

Чем дальше, тем меньше Теодору нравился их странный разговор. С Марией он действительно познакомился, будучи интерном. Он полностью отдавал себя работе. Ему редко удавалось выбраться куда-то, чтобы пообщаться с друзьями.

Постепенно и друзей почти не осталось. А Мария – вот она. Всегда рядом, милая и улыбочивая, выслушивала его тревоги и жалобы на пациентов. Мария сначала стала другом, потом – возлюбленной. Теодор в ней души не чаял.

– Я понял! Вы один из наших пациентов. Лицо у вас такое примечательное, что я его припоминаю. Только не могу понять, кто именно. Не вы наблюдались с растяжением связок?

Джек отрицательно покачал головой. Теодор наморщил лоб. Все было словно в тумане, так давно и одновременно как вчера. Лицо Джека врезалось в память. В то же время таких, как он, больница пропускала в день десятки, если не сотни. Зато, по крайней мере, стало понятно, почему Джек к нему подошел. Видимо, узнал.

– Подождите-ка, дайте мне минутку. Сейчас вспомню. Кажется, это было в том году. Или позапрошлом...

– Вас тогда перевели в хирургию.

Теодор вздрогнул. Радость узнавания отразилась на его лице с такой же страстью, с какой ученый понимает, что решил уравнение, над которым бился десятки лет.

– Точно! Теперь я вспомнил! Это ведь вы приходили к бедной Энн-Розмари. Вы ее родственник, да? Кажется, племянник. Бедная Энн все о вас вспоминала даже в критическом состоянии. Она была так счастлива видеть вас! Знаете, я все хотел спросить, почему вы не навестили ее раньше? Неужели не нашли времени, чтобы попрощаться с тетушкой?

Джек покончил с сигаретой, потушив окурок о колонну. У статуи ангела, освещенной снизу, сгрудились светлячки. Они перелетали от одной лампы к другой, а потом, пестрым облаком сталкиваясь с преградой арки, рассыпались роем.

– Не нашел. Оно меня боится.

– Кто?

– Время. – Джек приподнял края шляпы, показав морщинистое лицо и узко посаженные глаза. – И Мария сегодня не придет. Она потеряла ему счет.

Теодор сглотнул и смял бумагу. Засохшие стебли ромашек с хрустом надломились под пальцами. Посмотрев на них так, будто видит впервые, Теодор отложил букет на подложку постамента. Ангел, вззирающий с высоты, укоризненно промолчал.

– Я вас не понимаю, – пробормотал Теодор. – Зачем вы ко мне прицепились? Мне жаль вашу тетушку, но я простой хирург, я ничего не мог поделать. Ее состояние было тяжелым, когда она поступила к нам.

– О, вы не правы. Вы могли ее спасти, просто не захотели.

– Неправда.

Голос Теодора стал тише. Он и сам присел на подложку постамента, сложив ладони на коленях и опустив взгляд в землю. Солнечные лучи запутались в изумрудной траве. По ножке одуванчика вскарабкалась к желтому соцветию божья коровка.

– Я не мог, нет... Даже несмотря на то, что меня назначи-

ли заведующим, я просто...

О серую ладонь разбилась звонкая капля. Теодор опустил голову, из его глаз побежали слезы. Они стекали по щекам и мерно покрывали морщинистые пальцы, собираясь в их складках.

– Если бы у меня было немного больше времени... Если бы я уделил ей немного больше времени...

Голос проехался по ушам наждачным скрипом. Теодор хлюпнул носом и вытащил из кармана замызганный носовой платок. Громко высморкавшись, сложил его пополам и утер капли. Растянутый кардиган с заплатками на локтях смотрелся на нем будто мешок. На скамье рядом лежало два цветка незабудки.

– Я совсем с вами заговорился. Мне ведь нужно навестить Марию.

С кряхтением Теодор поднялся, подхватив цветы. Джек помог ему, подав руку.

– Моя Мария сегодня не пришла. Придется навестить ее мне.

Сильно опираясь на трость, Теодор похромал вперед, еле шевеля ногами. Джек шел с ним рядом, поддерживая под локоть.

– Она не увидит вас.

– Пусть так, но я обязан ее навестить. Моя Мария там совсем одна, я не могу ее оставить. Помогите мне, в вас-то силы поболее будет.

Садовые галереи сменились скверами, после обратились темными коридорами деревьев. Их макушки пиками дырявили ночное небо, а впереди сияло лишь одно золотое пятно, оставшееся от света единственного фонаря. Там стояла молодая девушка с гладко зачесанными назад волосами. Она нервно оглядывалась по сторонам и то и дело смотрела на часы.

– Мария! Моя Мария!

Теодор вскрикнул радостно и одновременно отчаянно. Джек разжал пальцы – и Теодор захромал вперед, переставляя клюку. На четвертом шаге он отбросил ее в сторону, а на седьмом – уже бежал в распростертые объятия девушки.

– Мария! Ты пришла! Моя милая Мария!

Теодор обнял ее, она прильнула к его груди с мягким смехом. Они взялись за руки и поцеловались.

– Моя Мария, мне снился такой страшный сон. Кажется, я потерял сознание! Будто бы я постарел и прожил всю жизнь без тебя. А ты пришла и спасла меня, Мария!

– Ох, Теодор, ты такой глупый. Я же говорила тебе, что задержусь на смене.

– Как я люблю тебя, моя Мария! Я безумно тебя люблю.

Эпизод 4: Кощей

В игровом клубе звучала негромкая веселая музыка. Мело и Арни любили забредать сюда на выпрошенные у родителей деньги. Поочередно шмыгая носами, они подходили к стойке и всегда покупали десять фишек. Десяти хватало на два их любимых автомата с Крутым Джонни и Бесконечной магистралью.

– Нам десять!

Мело обладал высоким звонким голосом, которого он сам иногда пугался. Он кинул на стойку пару бумажек и выжидающе уставился на рослого продавца. Мело видел его впервые, хотя ходил в этот клуб пару лет. Продавец был очень стар, таким уже помирать пора, и худ: кожа скапливалась во круг костей как у шарпея. Его глаз было почти не видно, зато улыбался он широко и ярко. Так, будто ему в губы запихнули дольку апельсина. Арни поежился и уцепился за рукав Мело. Арни был младше и не таким смелым.

– Сегодня у нас акция. При покупке десяти жетонов молодые люди могут получить бесплатный абонемент на всю ночь. Доступны любые автоматы. Желаете?

Старик выложил на стойку фишки, а рядом – прямоугольную карточку. Мело ее узнал: у Гая из параллельного класса была такая. Она давала свободный проход ко всем развлечениям, не только автоматам. Любые аттракционы. Папа Гая

был очень богатый и позволял Гаю все. Конечно, Мело ему страшно завидовал. Его-то папа всего лишь работал водителем и развозил коробки с едой с утра до ночи.

Мело поднялся на цыпочки, его глаза зажглись радостью и недоверием. Первым делом он схватил карточку и тут же прикусил ее на зуб – настоящая.

– Офигеть. Круто как!

Мело воодушевленно подпрыгнул и глянул на Арни. Тот смотрел с сомнением, но когда и сам подергал карточку, завизжал, кинувшись обнимать Мело. Они предвкушали долгую ночь в зале. И совсем не думали о родителях, которые могут их потерять. За весельем они забывали обо всем.

– Спасибо, дядя...

– Джек. Можете называть меня просто Джек.

– Спасибо, дядя Джек!

Держась за руки, мальчишки побежали к Крутому Джонни. Этот автомат был популярным, обычно около него толпился пяток ребят, но сегодня место пустовало. Еще одно сказочное везение! Мело тут же встал за пульт. Но вместо того, чтобы привычно вкинуть фишку в прорезь, он сунул в соседнее окошко карточку. Автомат вспыхнул неоновым светом, а счетчик в правом верхнем углу закрутился с бешеной скоростью, пока не остановился на девятьсот девяносто девяти – максимальное число игр.

Все еще не веря своему счастью, мальчишки притулились ближе. Мело схватился за рычажок управления и на-

жал кнопку старта. Крутой Джонни появился на экране слева, держа наперевес тяжелый автомат. Первый уровень начался в прериях. На заднем плане красовались насыпанные барханы, поросшие колючками, а впереди располагалась деревня разбойников, которую Джонни отправили зачистить. Джонни был элитным бойцом спецназа, среди всей отправленной группы выжил только он. Их вертолет разбился (эту сцену показывали в интро), но он продолжил задание и в одиночку отправился в деревню.

Стреляя направо и налево, Джонни устранял разбойников один за одним. Те прятались за деревянными ящиками, внезапно появлялись из-за дверей, а то и вовсе спрыгивали с крыш на голову. Джонни приходилось уворачиваться и прыгать. В такие моменты Мело остервенело жал красную кнопку, опасаясь пропустить удар. Жизней у Джонни было всего три на уровень, а восполнялись они только аптечками, какие еще надо было найти.

– Вали, вали его! – поддакивал Арни и хватался за плечо Мело.

– Не мешай! – огрызался Мело и сбрасывал ладонь друга.

В конце четвертого уровня вырос босс: дородный детина со свисавшим над ремнем животом. Его грудь украшал бронжилет, а в обеих руках он держал по автомату. Его особая атака заключалась в том, что он за раз выдавал две автоматные очереди. От них удавалось спрятаться только если вскочить на движущуюся панель.

Кривляясь, высунув язык от усердия, Мело покачивался из стороны в сторону, будто бы это помогало реагировать. Этого босса он еще не разу не проходил. Крутой Джонни отличался высокой сложностью, потому и был так популярен среди мальчишек. Стоило сказать “Я прошел свинью” (так в простонародье называли этого босса), как в глазах остальных это сразу прибавляло очков крутости.

Два сердечка исчезли, от последнего осталась половина. Здоровье босса опустилось до одного удара, и именно тогда он сдал свою проклятую атаку. Мело не успел вовремя прожать кнопку, и Джонни скоростно скончался, разлетевшись по экрану красными брызгами. Босс повернулся в анфас и звучно загоготал, широко открывая рот. Мело с психу пнул автомат.

– Мело, я хочу пить, – жалобно проговорил Арни.

– На и отстань.

Мело сунул ему помятую купюру, Арни отошел. Мело, сцепив зубы, вернулся к автомату. Стоять было не очень удобно, так что он подтащил высокий барный стул и сел на него. Ноги не доставали до пола, и он уперся носками в перекладину.

– Я тебе покажу!

Нахмурившись, Мело начал заново. Раз за разом он доходил до босса и раз за разом ему проигрывал. Он уже знал, откуда появятся разбойники, и убивал их на автомате. Его интересовала лишь одна цель, к которой он шел – свинья. Мело

ненавидел его всеми фибрами души. Наконец, ему удалось одолеть босса. Тот рухнул на землю, жирное пузо колыхнулось волной. Мело победно закричал, вскинув руки.

– Арни, Арни, ты видел? Я его сделал!

– Ты крутой, Мело!

Арни сидел за соседним автоматом и играл в Бесконечную магистраль. На его экране катились дорогие машины, а кругом мерцали придорожные деревья, сменявшиеся афишами высотных городов. Игра поглощала его: синие и фиолетовые огни отражались в глазах. При этом он часто пил через трубочку.

Потерев вспотевшие ладони, Мело вернулся к Крутому Джонни. Его ждали новые уровни, на которые он раньше не попадал. Целый неизведанный мир, какой хотелось опробовать и узнать, куча врагов и еще больше приключений! Настоящий рай.

Уровни с городской застройкой промелькнули, не успел Мело и глазом моргнуть. Боссы попадались все хитрее и изощреннее, их было все сложнее устранить. Все нервы вытрепала канализация, где приходилось часто разговаривать с неписями.

– Мело, я хочу домой.

– Так иди!

Мело не обернулся, когда Арни прошел за его спиной. Он ответил скорее машинально, все его внимание съедал экран. Там из зеленой трубы вылез осьминог-мутант, разбра-

сывавший ядовитые кляксы. Мело весело и задорно прожимал кнопки на джойстике: он стал почти профессионалом. Когда-то осьминог завершал первую часть Крутого Джонни, но вот во второй, которую сейчас Мело проходил, он стал обычным мини-боссом.

После осьминога канализация кончилась и начались крыши. Здесь летали вертолеты, а с них падали спецагенты, одетые в одинаковые черные костюмы. Джонни перепрыгивал щели между домами и то и дело карабкался по пожарным лестницам. Мело крутил джойстиком во все стороны. Он потерял всего одно сердце на уровне, после чего вышел на финальный этап в небоскребе.

Под руку поставили стакан с соком. Мело, не глядя, выпил.

Офис главного босса располагался на последнем этаже. Сам босс стоял спиной к Джонни и смотрел из окна на город, простиравшийся внизу. Красное закатное солнце висело над горизонтом, а дома отбрасывали глубокие синие тени. Над головой босса появились субтитры: “Я ждал тебя, Джонни”. Джонни вскричал: “Ты ответишь за все!” И ринулся в драку.

От напряжения Мело придвинулся к экрану. Он почти не дышал. Сейчас он испытывал такие же эмоции, какие впервые почувствовал, победив свинью. Он был взбудоражен, сильно нервничал и пытался запомнить тактики. Босс прыгал от стены к стене, иногда из ниш вылезали турели, которые стреляли в Джонни. В такие моменты можно было

прятаться за столом или прицепляться к потолку рукой-крюком. Атаковать следовало в промежутках, когда босс выдыхал от перегрузки. Но это лишь в первой фазе. Чтобы добраться до второй, Мело потребовалось шестнадцать попыток. К счастью, во второй части Крутого Джонни не требовалось проходить всю игру заново, достаточно было пробежать уровень. Потому дело пошло быстрее.

Босс сорвал пиджак, мускулистые руки обратились в ружья. После двух выстрелов с каждого из них босс грузно топал в направлении Джонни, попутно перезаряжаясь. Турелей по бокам вылезло еще больше. Бой оказался очень напряженным. В финальном ролике Джонни запихнул в рот босса гранату, и того порвало на мелкие металлические осколки. Джонни криво усмехнулся в камеру и выпрыгнул в окно.

– Вот это бой, да, Арни?

Мело с удовольствием отодвинулся от клавиатуры и глотнул пива. Однако ему никто не ответил. Удивленно поведя подбородком, Мело не обнаружил Арни, зато рядом возник улыбающийся консультант. Мело прищурился: он стал подслеповат, потому ему было тяжело разглядеть лицо, но вот яркая улыбка от уха до уха ему точно кого-то напоминала.

– Вышла третья часть Крутого Джонни для VR. Хотите попробовать? Сегодня бесплатно.

– Да, конечно хочу!

– Пройдемте.

Оживившись, Мело подскочил со стула. За соседним монитором сидел худощавый парень лет двадцати трех и рубился в гонки. Мело походя подумал, что парень отстал от жизни да и вообще какой-то неприятный – грязные сальные волосы и замызганная пивом футболка. К тому же, от него плохо пахло. Пройдя мимо, Мело задержал дыхание и отвернулся.

Впрочем, получив VR-шлем, Мело быстро забыл о парне и погрузился в чудесный мир приключений. Контроллеры заменили клавиши, оттого автомат ощущался как настоящий в руках. Полное погружение. Мело отстреливал инопланетян, заселивших улицы родного города Джонни, и адски хохотал, когда их головы лопались с характерным хлопком. Ему нравилось, как выглядела зеленая жижа, остававшаяся после них.

Уровень за уровень Мело продвигался дальше. Он давно привык к механике, потому проблем почти не возникало. Игра его не удивляла, под конец он и вовсе заскучал. Последний босс оказался гораздо легче аналогичных из предыдущих частей. Мело устранил его играючи всего с седьмой попытки и разочарованно стянул шлем.

Запястья опутали провода, подключенные к нервным окончаниям. Сев, Мело вынул их. Сухие жилистые руки, дряблая кожа и крючковатые пальцы, постоянно болевшие – Мело не любил думать о реальности.

– Надеюсь, вы остались довольны нашим сервисом.

Улыбающийся консультант помог подняться с койки. Мело подслеповато нащупал очки и водрузил их на нос. Оглядевшись, он подсчитал закрытые капсулы с играющими – двенадцать штук – и, хрустнув позвонками, размял шею.

– А где Арни?

– О, он уже ушел.

– Вот как. Ну и мне тогда пора.

Мело пожал руку консультанту и направился к выходу, чуть покачиваясь. Его худое тело не было привычно к ходьбе, мышц почти не осталось. Он больше напоминал скелет, чем человека.

Джек проводил его долгим взглядом. Когда Мело исчез за разъехавшимися в стороны дверьми, Джек снял фирменный фартук, сложил его на столе и тоже пошел к выходу. Здесь он закончил.

Эпизод 5: Кривое зеркало

У Энн-Розмари были костлявые желтые руки. Они лежали поверх больничного одеяла двумя усохшими ветками и отвратительно выделялись на фоне безукоризненной белизны. Каждый раз, когда Энн просыпалась, она первым делом смотрела на свои руки, будто бы за время сна могло что-то измениться. Энн чудилось, что с каждым разом они становятся все меньше и худощавей.

– К вам посетитель.

Медсестра ненадолго заглянула в палату, Энн рассеянно подняла на нее взгляд. К старости ее разобрала дальнорочность, потому появившегося в дверях человека она рассмотрела отчетливо. Тот был в коричневом твидовом костюме и широкополой шляпе. Он был моложе Энн, но она не могла с точностью сказать, насколько. А еще он ярко улыбался – зубы ровные, как на подбор, но слегка желтоватые. Явно вставленные, настоящие такими не бывают. В руке он держал диктофон.

– Добрый день, – просто сказал он и подошел к постели, присев на свободный стул.

– Эрик, это ты?

Энн прищурилась и повела рукой к посетителю. Трубки, уходившие в вены, качнулись, а вместе с ними и прозрачный мешок капельницы. В лице мужчины Энн привиделся пле-

мянник.

– Ты так давно не приходил! Ох, как же я тебя ждала.

Он никогда не приходил. Это тревожило Энн больше всего. Она не помнила, когда они виделись последний раз. Вероятно, позапрошлым летом. У Энн вечно не хватало времени.

– Знаешь, ты мог бы почаще навещать меня. Все-таки я твоя единственная родственница.

Энн сварливо посмотрела на посетителя. Тот, не снимая приклеенной улыбки с лица, поднял диктофон к подбородку и включил кнопку повтора. Приглушенный голос Энн расстроенно проговорил из затертого динамика:

– Я была не права. Я думала только о себе, и меня никогда не волновало, что происходит с тобой.

Энн задеревенела. В страхе пальцы прихватили простыню, забрав ее в кулак. Коротко стриженные ногти скользнули по ткани росчерком.

– Как это... Что это... Я такого не говорила, – задыхаясь, пробормотала она.

Мигнула и погасла зеленая лампочка записи, сменившись на красную. Мужчина нажал повтор, и тогда звук донесся снова:

– По совести говоря, мне всегда было плевать на тебя. Когда твоя мать умерла, я подумала: “Ну, и слава Богу”. Так она меня раздражала. Я тогда еще не знала, что мне придется о тебе заботиться. Эти полгода обернулись для меня сущим

адам.

Язвительные нотки, прозвучавшие в конце предложения, настолько развеселили посетителя, что он запрокинул голову назад и громко рассмеялся. Его острый подбородок дергался в такт бурлению, извлекаемому из горла, и напоминал кваканье старой жабы на болоте.

– Нет, неправда! Я не думала так!

Энн приподнялась на подушках, забыв о болезни, снедающей ее день за днем, и яростно уставилась на посетителя. Пришедший не мог быть Эриком, ее чудесным Эриком, которого она знала. Эрик был добрым мальчиком, всегда послушным и спокойным. Он вырос хорошим человеком, стал ученым, обзавелся женой... Нет, это точно был не он.

– Кто ты?

– Можете называть меня Джек.

Мужчина вытер слезинку в углу глаза и опустил голову. По плечам Энн пробежал холодок. Она пожалела, что лежит в одиночной палате и что рядом нет медсестры. Пронеслась мысль нажать экстренную кнопку.

– Что тебе нужно от старой больной женщины?

– Ничего. Это вы нуждаетесь во мне.

Джек поднялся, подошел к датчикам с медицинскими показателями. Они равномерно и успокаивающе тикали, отсчитывая время. Джек усмехнулся и щелкнул кнопку записи.

– Уходите! – Энн прижалась лопатками к стене, с трудом сев. – Оставьте меня в покое!

Повернув голову вполоборота, мужчина скосился на нее и напоказ щелкнул выключателем. Хриплый голос Энн надрывно прокричал:

– Не оставляйте меня одну! Пожалуйста! Я не хочу умереть в одиночестве, мне так страшно!

Энн потеряла дар речи. Джек задумчиво стукнул пальцем по экрану – один из параметров сбился. Пульс участился. Энн приложила ладонь к груди и опустила взгляд на больничное покрывало. Машинально она подтянула его вверх, оголив узкие ступни, покрытые темными пятнами. Синяки расплзлись по коже уродливыми пятнами, кое-где обратившись в пролежни. Энн крепко зажмурилась, принявшись повторять:

– Это все неправда... Этого не существует...

– Но я существую.

Джек ухватил двумя пальцами трубку капельницы и сжал ее. Жидкость, медленно поступавшая к телу, прекратила бег. Энн зашипела:

– Иди к черту, кто бы ты ни был. Ты меня не обманешь. Не знаю, что тебе нужно, у меня все равно ничего нет. Наследство? Ха! Да я бедна как церковная мышь! Друзей не осталось, родственников – один неблагодарный племянник. А я его кормила, содержала!.. Что бы ты ни хотел, ничего ты не получишь.

Она выплюнула слова отрывисто, слюна капнула на ворот больничного халата. Джек опять рассмеялся. При этом его

вставные зубы щелкали, как удила лошади, когда та отказывалась идти вперед. Монотонно заговорила Энн из диктофона:

– Я копила на черный день, и он наступил. Меня отвезли в Швейцарию к лучшим врачам, но даже они не смогли ничего сделать. Я пережила три операции, одна из них на сердце, только зря. Я умираю, я это знаю. Я прожила жизнь как хотела, но я жалею о многом. Я бы хотела все исправить. К чему мне деньги, если за них я не могу купить счастье и здоровье? Я покупала за них любовь, она оказалась насквозь фальшивой. Если бы я могла, я бы хотела увидеть Эрика в последний раз. Я бы хотела извиниться перед ним...

– Прекрати! – Энн закричала, зажав ладонями уши. – Хватит! Остановись!

Ее плечи зашлись мелкой дрожью. Она заплакала, низко опустив подбородок. Рыдания рождались в самой ее груди и выходили наружу с тугим гулом. Внутри нее что-то безнадежно сломалось, и она совершенно не знала, как это починить. А механический голос из динамика продолжал:

– Я бы хотела, чтобы меня любили. Теперь я понимаю. Я вспоминаю, как ценила меня сестра, как она заботилась обо мне. Она всегда была рядом, поддерживала меня в трудную минуту. Я принимала это как должное. Я думала, так будет всегда. Я смотрела на нее свысока, но когда она умерла, лишь тогда я поняла, как много она для меня значила. Без нее в мире стало пусто. Лишь она одна действительно беспокои-

лась обо мне, только она. В память о ней я должна была заботиться об Эрике, подарить ему то, чего я оказалась лишена. Он слишком рано познал горечь утраты...

Энн закрыла ладонями голову. Крупные слезы падали с ее носа, мешались с соплями. Она утирала их рукавом, но они все продолжали течь, пока рубашка окончательно не промокла.

– Это не так, – словно в беспмятстве прошептала Энн, – я любила Эрика, я заботилась о нем.

– Чтоб он сдох, маленький паршивец, – ответил диктофон, – он забрал у меня любимую сестру. Я так и не смогла простить его за то, что она любила его больше, чем меня.

Опустив руки, Энн упала на подушки. Ее взор коснулся идеально-выхолощенного больничного потолка. Он был полностью серый без единого черного или белого пятна. Ничто в нем не выделялось.

– Зачем ты пришел, Джек?

– Ты хотела убить время.

Он вновь подошел. Энн всмотрелась в морщинистое загорелое лицо, сощуренные глаза. Робко сжала крепкую поджарую ладонь.

– Бог ли ты, дьявол ли ты, я не знаю. Дай мне взглянуть на тебя.

– Мои дни сочтены. Я хочу умереть без сомнений, – вторил ей динамик.

Джек отложил диктофон на стол и снял шляпу, обна-

жив лысую голову. Вблизи Энн видела хуже, потому откинулась назад, когда его глаза распахнулись. Холодный прищур скрывал чистую первозданную пустоту. За веками не было ничего.

– Ах, так ты и есть...

Договорить не дал кашель. Энн схватилась за горло и скрючилась, на простыню слетели капли крови. Воздуха не хватало, легкие напряглись спазмом, в глазах потемнело. Страшно покачнувшись, Энн обмякла. Сердце с болью пропустило удар и затихло.

Джек водрузил шляпу на голову. Датчики, с секунду назад бесновавшиеся, замолкли. Палата наполнилась звенящей тишиной, в которой шаги прозвучали громко и неуместно. Вбежала медсестра. Джек спокойно прошел мимо нее.

– Я просто хотела быть любимой. Разве это так много? – прокряхтел диктофон. Лампочка мигнула красным и погасла. Теперь уже навсегда.

Эпизод 6: Злая королева

Кэнди нетерпеливо разгладила складки кипенного подвенечного платья. Атлас скользнул по ладоням мягко и воздушно. Огненные волосы, скрученные в тугие завитки, выделялись на его фоне как капли крови на белом снегу. В дверь позвонили. Кэнди улыбнулась и царственно поднялась с узорного кресла.

Она спустилась по лестнице. Вуаль, брошенная за плечи, проехала по лопаткам, когда Кэнди отворила дверь. На пороге стоял поджарый мужчина средних лет в коричневом костюме. На его голове была шляпа.

– Я тебя заждалась, – проворковала Кэнди и подхватила его под руку.

Они вышли за порог. Каблуки перестуком прошлись по мраморному крыльцу. Кэнди опустила ладонь в потаенный карман и достала зажигалку. Пальцы с красными ногтями щелкнули колесико.

– Вы меня с кем-то спутали.

– О, я прекрасно знаю, кто ты, Джек.

Кэнди улыбнулась сквозь огонь как безумная и кинула зажигалку назад, не глядя. Пламя коснулось разлитого на ступенях бензина, а потом вспыхнуло, перекинувшись на дом. Оранжевое марево разобрало ночное небо, окрасив острые верхушки елей в красные оттенки.

– Пойдем?

Под руку они двинулись по аллее. Кэнди держалась за локоть Джека, Джек спокойно шел рядом с ней. Кэнди то и дело улыбалась и словно не разбирала перед собой дороги. Ей было все равно, куда идти.

– Как ты это сделаешь? Я хочу знать все в подробностях.

– Мы будем разговаривать. Ты расскажешь мне свои самые страшные тайны. То, что ты не рассказывала никому. Я буду внимательно слушать. Когда исповедь оборвется, все закончится.

Кэнди скривила губы и почти с укором посмотрела на него. Она рассчитывала на нечто большее, а беседа звучала скучно и уныло. Она планировала этот день иначе.

– И все? А что будет с ними?

– Мы их навестим.

Тут Джек улыбнулся широко и властно, костлявая ладонь прижала нежное запястье Кэнди. Настроение улучшилось. Приободрившись, Кэнди повела плечами, рассыпав локоны по вуали.

– Я хочу начать с Барни. Он такая заноза.

Они свернули на шумную улицу. Люди спешили по делам и совсем не замечали мирно прогуливавшуюся странную парочку. У дверей бара паслись подростки, вероятно, еще не окончившие старшую школу. На парнях были куртки футбольной команды, на девушках – обтягивающие короткие платья.

Барни выделялся среди всех. Высокий, с платиновыми волосами и модной стрижкой. Красавец, принц школы, отменный нападающий и сынок местного дипломата. К Барни уже присматривались агенты колледжей, его ждало блестящее будущее. Сейчас, ухмыляясь, Барни обхватывал за талию стройную брюнетку и что-то шептал ей на ухо. Та громко и вызывающе смеялась.

– Он всегда мне изменял, – с раздражением проговорила Кэнди. Ее жгучий взгляд прошелся по широким плечам и застыл на темно-серых глазах. – Да и в сексе был плох, но я ему не говорила. Эти мальчишки такие хрупкие, знаешь?

С ее губ слетел сдавленный смешок. Джек ухмыльнулся на одну сторону, а Кэнди повернулась к нему, поднялась на цыпочки и прошептала в ухо: “Покажи мне”. Долго упрашивать Джека не требовалось. На их глазах развернулась целая жизнь.

Вот, Барни поступил в колледж, его отобрали в футбольную команду. Только звездой он не стал, наоборот. Если в школе он был лучшим, то здесь он стал обычным. Это его сломало. Он стал колоть стероиды и подсел на опасные витамины, из-за которых его в конечном счете вышвырнули. Разочарованный в сыне отец отвесил ему звонкую оплеуху и оставил на месяц под домашним арестом. В конце концов, чтобы исправить положение, Барни пристроили в посольство секретарем и заставили жениться на дочери партнера отца. Девушка не была красива, да и любви между ними не бы-

ло. От возраста лицо Барни изменилось, покрывшись преждевременными морщинами, плечи потеряли былую мощь, а глаза остекленели. Смотря, как Барни тихо напивается вечером все в том же баре, в котором когда-то кутил молодым, лишь бы не возвращаться домой к жене и двум детям, Кэнди презрительно выдохнула.

– А ведь я могла оказаться на ее месте. Хватит, он мне больше не интересен.

Сквозь шумную улицу они вновь двинулись дальше. Головы фонарей склонились над ними, будто глаза инопланетянина из одноименного фильма Спилберга. Кэнди постоянно в задумчивости оправляла вуаль и затормаживала шаг. Тогда Джек подстраивался под педантичный цокот каблуков, пока он не прекратился – туфли увязли в песке. Наклонившись, Кэнди подхватила их в свободную руку и побрела по пляжу босиком. Подол ее платья испачкался в грязи, но это было не так заметно: на берегу дул холодный ветер, а на горизонте собирались серые тучи.

– Я помню это место, здесь мы играли с моей лучшей подругой. Ее звали Ева. – Кэнди язвительно усмехнулась. – Она меня предала ради Барни. Я застала их вместе в раздевалке, представляешь?.. Мы дружили с шести лет, я всегда с ней всем делилась. Она из неблагополучной семьи.

На песке у самых волн две девочки строили замок. Время от времени вода подбиралась к их ступням, и тогда, смеясь, они брызгали друг в друга. Капли взлетали жемчужной рос-

сыпью и оседали на плечах.

Как замороженная, Кэнди смотрела на воспоминания далекого детства. Смех и хмурое небо до сих пор стояли в ее памяти четкой картиной. Меж тем, сцена с Барни и Евой у шкафчиков представлялась нечетким обманом воображения.

– Тогда я была так счастлива.

Джек не ответил. Небо посветлело, тучи разошлись. Солнечные лучи упали на хрупкую фигурку, стоявшую в одиночестве у берега. Волны набегали на ее лодыжки и осыпали их ледяными поцелуями. Девушка смотрела вдаль и думала о чем-то своем.

– Она счастлива?

– Хочешь увидеть?

– Да.

– Тогда смотри.

Ева выгуливала пса. Большой и добрый золотистый лабрадор махал хвостом и шевелил ушами. Ева трепала его по холке и ласково приговаривала, что он слишком шумный. Ее глаза скрывались за стеклами черных очков.

– Теперь я припоминаю. Ее зрение портилось еще со школы, но ее воспитывала лишь мать, и у них не было денег на операцию. Она говорила, что пойдет работать, чтобы накопить. Последний раз я слышала, что она подрабатывает в кафе-мороженом.

Пес подхватил брошенный мячик и принес его, ткнув-

шись мокрым носом в ладонь Евы. Та забрала мячик и кинула его опять. Лабрадор, перебирая лапами, понесся за ним по лужайке.

– Ее мать тяжело заболела, и все заработанные средства она отдала на ее лечение. Это не помогло. Мать прожила еще полгода, а потом умерла. Сейчас Ева получает пособие по инвалидности, она почти ничего не видит.

Кэнди поднесла ладонь ко рту, прижав подушечки пальцев к губам. С секунду она молчала, а потом запрокинула голову назад и расхохоталась, будто раненый зверь. В углах ее глаз проступили слезинки, которые она мигом утерла.

– Получила то, что заслуживает, – негромко проговорила Кэнди. – Я не собираюсь ее жалеть за ее ошибки. Меня не жалел никто.

Вуаль слетела с головы. Ветер подхватил ее и унес в беспокойное море. Гордо развернувшись, что огненные волосы окутали плечи, Кэнди прошествовала прочь.

– Если бы она осталась со мной, все было бы иначе.

Джек не спорил.

Они шли все дальше, и понемногу ладонь Кэнди скользнула от локтя вниз, ухватив Джека за руку. Тот не возражал. Слегка сжав ее пальцы, он привел Кэнди к ветхому и разваливающемуся дому в забытой богом деревне. Не смазанные петли забора скрипели, ставни дома были раскрыты. Кэнди надела туфли, песок отвратительно заскребся под ступнями.

– Дай угадаю, это мой любимый папенька?

– Верно.

– Надеюсь, он живет в аду.

На крыльце расположился выдавший жизнь старик. Поджарый и худощавый, он мастерил что-то, делая замеры и расчерчивая доски. Из дома доносились звуки музыки: работало радио. Время от времени старик ему подпевал.

– Он бросил нас с мамой, когда мне было десять. Сказал, что устал от всего, забрал все сбережения и сбежал с какой-то певичкой. Если бы не дедушка, мы бы умерли с голода.

Кэнди сложила руки под грудь, горящим взглядом уставившись на старика. Тот ее не замечал. Он безразлично занимался своим делом, полностью им поглощенный. Внутри Кэнди поднялась слепая волна ненависти. Она сильно сжала ладонь Джека, а потом отпустила ее и подошла к отцу, склонившись над ним, что рыжие волосы чуть не коснулись его головы. Следующие слова прозвучали шипяще и горько. В них было столько злости, что ей можно было упиться.

– В нищете, в горе... Достойное для тебя занятие, папенька. Ты заслужил больше страданий.

Стоило Кэнди это проговорить, как из дома вышла женщина. Она была в возрасте, о чем свидетельствовали морщинистые руки, но ее лицо отдавало молодостью и свежестью. В ее глазах было что-то бесконечно живое и прекрасное. На руках она держала ребенка. Обернувшись, старик радостно ей улыбнулся, продемонстрировав частично выпавшие зубы,

а она улыбнулась ему в ответ. Бросив свое занятие, он поднялся с крыльца и поцеловал ребенка. Втроем они ушли в дом.

У Кэнди сперло дыхание. Сначала она не могла даже говорить, а потом почувствовала, как по щекам потекли слезы. Она рассмеялась пуще прежнего, смех перерос в судорожные рыдания. Со злости она рванула подол платья, разодрав дорогую ткань.

– Ах, вот как! Ты, тот, кто причинил мне больше всего бед, из-за кого вся моя жизнь превратилась в ужас! Ты, ты еще смеешь жить лучше всех них?! Ты?! О, я ненавижу тебя, как я ненавижу тебя!

Она закрыла лицо руками и бросилась на грудь Джека, принявшись его колотить. Тот вытерпел. Постепенно ее удары становились все слабее, пока вовсе не прекратились. Тогда костлявая ладонь легла на ее лопатки, успокаивающе прижав.

– Ненавижу... Я их всех ненавижу...

Кэнди говорила и продолжала плакать. Боль скручивала все ее нутро, выжигала внутренности и заставляла раз за разом птичьими поджимать пальцы.

– Там, куда мы пойдем... Там ведь мне не будет больно?

– Нет.

Подняв подбородок, Кэнди уставилась в загорелое лицо под шляпой. Джек улыбался одними губами, стянутыми в тонкую линию. Это ее успокаивало.

– А что будет там?

– Ничего.

Кэнди кивнула. Будто на что-то решаясь, она обхватила Джека за шею и приподнялась на цыпочки. Коротко его поцеловав, она улыбнулась:

– Я готова.

Джек взял Кэнди за руку и посмотрел прямо в глаза. В них Кэнди узнала нечто неземное.

– Вот оно какое...

– Тебе будет одиноко.

– Я не жалею.

Алое пламя залило воздух. Подвенечное платье вспыхнуло, желто-оранжевые языки взобрались по нему до самой вуали.

Пальцы разжались. Кэнди осталась стоять одна посреди занявшегося огнем дома. Она смотрела в пустоту, видя перед собой что-то, чего не могло существовать. И улыбалась. Теперь она всегда будет улыбаться.

Джек захлопнул крышку зажигалки и закурил, с прищуром поглядев на красное марево. Сбежались соседи, подъехали пожарные. Джек отошел под тень клена и выпустил с губ дымное облако. Когда оно растворилось, Джека на улице уже не было.

Эпизод 7: Серый волк

Оскар был умным псом. У него была серая короткая шерстка и висячие мягкие уши. Хвост-трубка колыхался обрубком из стороны в сторону, его неправильно купировали. Но Оскар не обижался, он понимал, что если хозяин так поступил, значит, надо. Оскар вообще обещал вырасти в покладистого пса, только пока еще он был слишком маленьким: ему едва исполнилось пару месяцев, а потому он с трудом контролировал себя.

Каждый раз, когда он ходил на ковер вместо того, чтобы отпроситься на улицу, его сильно ругали. Оскар скулил и не понимал, за что. Забываясь в угол, он смотрел жалобно черными глазами, как на него замахивается хозяин. В очередной раз, слишком испугавшись, он оскалился и зарычал – еще тихо и неумело. После этого Оскара выкинули.

В холодную зиму его отвезли подальше и выбросили из машины недалеко от военных барачков. Оскар сначала и не понял, что произошло, потому он даже веселился. Бегал, радостно зарывался носом в снег. Только потом машина отъехала. Оскар побежал за ней, скуля и гавкая, но она умчала прочь. Оскар бежал за ней, сколько мог, пока лапы не подвели, а потом устало сел, широко открывая пасть. Он больше не знал, куда идти.

– Что, дружок, бросили тебя?

Оскар повернул нос назад и увидел странного большого человека. Обычно люди в такую погоду одевались тепло, ведь у них не было густой шерстки, спрятавшей бы их от холода. Но этот чужак был другим. На его голове надежно сидела дурацкая шляпа, а костлявые руки не покрывали перчатки. Он подошел к Оскару и присел, потрепав его по холке.

– Пойдем.

Обрадовавшись ласке, Оскар подскочил, завилял хвостом и принялся лизать человеку пальцы. Человек засмеялся, его тонкие губы вытянулись долькой лимона в оскал. Когда люди так делали, им было хорошо, так что Оскар обрадовался еще больше и даже стал подпрыгивать от счастья. Он теперь был не одинок.

– Можешь называть меня Джек. А ты?

Оскар громко и гордо твякнул. Топорщившиеся усы припорошил снег, сделал из них седые провода.

– Оскар, значит. Хорошее имя.

И Оскар опять завилял обрубком хвоста.

Вместе они дошли до бараков. Оскар забрал в пасть снега – ему очень хотелось пить.

– Иди туда, там работает один человек, он тебе понравится. Будь хорошим щенком, и у тебя появится новая отличная семья намного лучше предыдущей.

Мохнатые брови двинулись, шевельнулись мягкие уши. Оскар вопросительно повернулся к Джеку и заскулил.

– Я буду тебя навещать, не переживай. А теперь беги, пока

твое место не занял другой пес.

В последний раз нерешительно переступив с лапы на лапу, Оскар кинулся к баракам. Розовый язык свесился набок, колыхаясь на ветру. В один момент Оскар оглянулся, только странного человека не увидел. Зато впереди появился другой. Тот, другой, переносил тяжелые ящики и постоянно, но беззлобно ругался. Он ходил в камуфляже, а его голову покрывала толстая шапка. У него было узкое худощавое лицо и серые северные глаза.

– Ай, твою мать, – прохрипел он, скинув последний ящик из кузова на землю. – Где этих носит... А ты здесь откуда?

Оскар сел, развалив пятки в стороны. Так, как свойственно сидеть лишь несмышленным щенкам, но как никогда не позволит себе присесть важный и статный пес. Совершенно наивно он уставился на военного и, тяжело дыша, открыл пасть.

– Есть хочешь? Замерз, небось...

Заслышав знакомое слово, Оскар притулился к военному, принявшись нюхать его ботинки. Не переставая, пес махал хвостом и всячески выказывал дружелюбие.

– Ну, ладно, ладно, накормлю я тебя. – Наконец, сдался мужчина, и Оскар радостно тявкнул. – У меня там консервы есть.

Следуя за военным по пятам, Оскар вбежал в теплую каморку, где перестал дрожать. Все-таки шерсть у него была еще слишком короткая для того, чтобы совсем не бояться

холодной зимы. Военный вскрыл консервы и налил в миску воды. Оскар радостно набросился на еду. Только сейчас он понял, насколько голоден был.

– Ого, какой у тебя аппетит. Да ты побольше меня съешь.

После еды Оскар подбежал к мужчине и принялся ластиться. У военного просто не оставалось иного выбора, как забрать пса к себе.

Военного звали Кит, и он жил неподалеку от части с женой и сыном. Когда он привел домой Оскара, те сначала отнесли к нему настороженно, так что Оскар вел себя тише воды, ниже травы. Он не вырывался, когда его посадили в душ и стали отмывать. Когда его не звали, забивался в угол и мирно там сидел. Понемногу освоившись в новом доме, он стал увереннее. Его черная шерсть удлинилась, залоснившись, и даже хвост-обрубок расцвел завитками.

Оскару нравились и жена Кита, и его сын. Эта семья отличалась от предыдущей. Мальчик радостно с ним играл, Оскару посвящали много времени и всегда вовремя кормили. Он даже научился ждать до нужного времени прогулки, чтобы не портить настил в доме. И каждый раз, чувствуя приближение условленного часа, он носился и прыгал, просясь на улицу. Был лишь один минус в их приятной жизни: люди днем уходили, а потому Оскар часто оставался один. В это время он обычно спал или выл от скуки, делать ему было откровенно нечего. Иногда в такие дни приходил Джек. Оскар радостно с ним беседовал, твякая, а Джек рассказывал о том,

что происходило в мире.

Несколько лет пронеслись для Оскара как в сказке. Только с каждым годом на него обращали все меньше внимания. Мальчик подрос, у него появилось много новых друзей, а учеба завалила настолько, что он почти не появлялся дома. А когда приходил, то сразу утыкался в светящийся экран и просиживал в нем чуть ли не до утра. Лишь иногда он отрывался, чтобы потрепать Оскара по холке или погулять с ним, а в остальное время Оскар лежал на подстилке и грустно смотрел на своих людей. То же было с Китом и его женой. Светящийся экран поглощал все их время, когда они были дома. Оскар научился много спать и успокаиваться по одному слову “утихни”. Ему нужно было приспособливаться.

Временами, конечно, все менялось и становилось будто бы как раньше. Особенно это стало заметно, когда выяснилось, что мальчик скоро уедет. Он собирал вещи, а Оскар смотрел на это и скулил. Мальчик подходил, трепал его по холке, чесал за ушами, и тогда Оскар радостно открывал пасть, высовывал язык и довольню вилял хвостом. Только день отъезда это не могло отсрочить.

Когда мальчик уехал, дом изменился, стал пустым и тихим. Он уезжал и раньше, но никогда так надолго. Оскар скучал. Он забирался на кровать мальчика и спал в его комнате, когда никто не видел. Он боялся, что больше не увидит его никогда. Но однажды мальчик ненадолго вернулся, счастьем Оскара не было предела. Он не отходил от мальчика ни на

шаг и постоянно терся у его ног. А потом тот уехал снова. И снова вернулся. Так повторялось несколько раз, Оскар потерял счет этим отъездам. Но, по крайней мере, он знал, что мальчик обязательно вернется. Только однажды все изменилось.

В этот раз вещи собрали Кит и его жена. Они долго готовились и упаковали почти весь дом, потерявший всякое подобие уюта. Оскар слонялся от стены к стене и тревожно поскуливал, предчувствуя плохое. Будто неминуемая туча на горизонте это надвигалось, пока не стало совсем неотвратимым. Единственным светом оставалась надежда, что они все вместе уедут к мальчику. Но когда настал тот самый день, случилось нечто непредвиденное.

Оскара отвели к другой семье. Он их знал, в последнее время они часто приходили в гости. Они оставили его любимую игрушку, погрызенный мячик, а также поводок, который Оскар ненавидел. Потом жена Кита его долго гладила и обнимала, а сам Кит смотрел на него спокойно и отрешенно, только под конец погладил по холке. И они ушли, захлопнув дверь.

Они больше не возвращались. Оскар ждал и ждал, а их все не было. Постепенно он привык к новой семье, но прежняя бодрость к нему не вернулась. Он стал спокойным и степенным псом, который всегда сидит правильно.

– Как тебе новый дом? – спросил Джек в очередной визит. Оскар понуро опустил уши и отвернул морду к стене. Он

не хотел сегодня разговаривать. Он все чаще не хотел общаться, только спать. Во сне к нему приходили старые времена и воспоминания, в которых Оскар хотел бы оказаться. Во сне мальчик снова с ним играл, а Кит вскрывал для него консервы. Жена Кита кидала мячик, Оскар радостно за ним мчался, зарываясь в снег.

– Знаешь, все могло сложиться гораздо хуже. Тебя могли опять выкинуть на улицу. Так что тебе еще повезло.

Наверное, это было так. Только от осознания в жизни не становилось больше тепла или света. Оскара кормили и поили, выгуливали, иногда с ним играли. Но думал он только о том, что было раньше, и совсем нет – о настоящем.

– Время не идет вспять, дружок, такого не бывает. – Джек похлопал Оскара по голове, тот жалостливо завыл. – Оно суровое и беспощадное, это время. Только я знаю способ убить его. Хочешь, покажу?

Оскар вяло вильнул хвостом и лизнул ладони Джека. Тот улыбнулся широко от уха до уха, что на щеках собрались глубокие морщины.

– Пути назад не будет. Точно хочешь?

Мягкая лапа легла в костлявую ладонь. Джек несильно ее сжал и отпустил.

– Пойдем гулять.

Они вышли в метель. Крупные снежинки, теряясь в завихрениях, плотно устилали черное небо. Сквозь их непроницаемую серую пелену было не разобрать, что впереди, толь-

ко иногда мелькал слабый свет.

– Теперь ты побежишь вперед. Главное, не оборачивайся, просто беги. Тут наши дороги разойдутся.

Джек присел на корточки и в последний раз посмотрел в глаза Оскару. В узких прорезях век не отражалось ничего, Оскар раньше подобного не видел. Ему вдруг стало страшно, поджилки затряслись. Заскулив, он повернулся в сторону, куда говорил Джек, и услышал там отчетливое тарактенное машин. Где-то далеко, сквозь вьюгу, раз за разом зажигались и гасли фары.

Оскар попятился, улыбка Джека его напугала. Он даже зарычал, низко склонив голову. Джек, однако же, не предпринял ничего. Он ждал, пока пес решится.

Наконец, Оскар побежал. Но не туда, куда показывал Джек, а назад. Он несся так, как не бежал никогда в жизни, не чуя под собой лап. Он перескакивал сугробы, падал в снег, поднимался и вновь бежал, хватая в пасть холодный ветер. Пока не очутился у знакомого подъезда. Девочка из его новой семьи возвращалась домой.

– Оскар, вот ты где! – радостно вскричала она и тут же нахмурилась: – Мы тебя везде искали! Как ты смог открыть дверь? Плохой пес, плохой!

Оскар радостно запрыгал вокруг нее, ластаясь и виляя хвостом. Когда она склонилась, он даже вылизал ее лицо счастливо и отчаянно, как делал, когда мальчик возвращался домой. Девочка рассмеялась и обхватила его за пушистую шею.

– Ладно, хватит, пойдем домой. Нагулялись уже.

Она открыла дверь подъезда, Оскар нырнул в полутьму, только хвост-обрубок мотнулся кудряшками.

Джек усмехнулся, заложив покрасневшие ладони в карманы брюк. Проводив взглядом девочку, скоро исчезнувшую за дверью, он прищурился и поднял голову вверх.

– Хороший мальчик, – негромко проговорил он.

А потом ушел. И больше никогда не возвращался к этому дому.

Эпизод 8: Белоснежка

Призрачно-голубой свет коснулся фигурных пальцев. От кончиков ногтей он сбежал по белой ладони и запутался в складках нежной пачки. Катрин застыла на пуантах. Музыка стихла, раздались непродолжительные аплодисменты. Катрин всмотрелась в темный партер перед тем, как начать новое движение, но что-то заставило ее остановиться: хлопок, которого никогда не было в балете. Она повернула голову, чтобы увидеть горящие в темноте глаза. И пулю, медленно летевшую на нее.

Мужчина с пистолетом стоял во втором ряду партера. Он неотрывно смотрел на Катрин, и сквозь слепящие софиты она его узнала. Это был он, ее самый преданный и жуткий фанат. Тот, кто преследовал ее всю ее карьеру. Он был ею одержим.

Сердце Катрин пропустило удар. Она обещала себе, что уйдет, что это ее последний тур, что больше никогда не вернется в балет... И все-таки без него она не могла жить. Лишь на сцене, танцуя, играя, она чувствовала себя по-настоящему свободной. Проживая чужие жизни, она не вживалась в роль, нет, она становилась своими персонажами. И теперь, будучи виллисой, она понимала, что обречена на смерть.

В первом ряду одиноко ударил в ладоши почтенный джентльмен. Он был худощав и с ввалившимися скулами,

на его губах гнездилась широкая улыбка. При взгляде на нее Катрин вспомнила первую встречу со своим убийцей. Это было так давно. Тогда падал снег. Его колючие снежинки цеплялись за толстый шарф и надежно застывали на нем крупными звездами. Катрин танцевала на юношеском спектакле, она исполняла роль Белоснежки. Зал, изначально не расположенный к ней, в конце взорвался бурными аплодисментами. Ее долго не хотели отпускать, а она все кланялась и кланялась. После же, покинув театр, она с удивлением обнаружила, что на улице ее ждет поклонник. Это был робкий молодой человек, старше Катрин на несколько лет. Его звали Альберт. Он подарил белую розу, Катрин с радостью приняла ее. О, если бы она только представляла, чем обернется этот невинный дар! Никогда бы она не приняла его. Но тогда, в тот момент, это были первые цветы, полученные после представления. Она не могла отказаться.

Катрин глубоко вдохнула. Глаза Альберта сияли ненавистью. Даже со сцены она ощущала его удушающую ярость: он все решил за двоих. В своей голове он нажал на курок уже тогда, когда пришел в театр с оружием. Или гораздо раньше.

Она много выступала, Альберт посещал каждое ее представление. Он не жалел денег на лучшие места и ездил в другие города и страны. Катрин чудилось, будто он за ней следит, словно из каждой тени смотрит на нее жадным взором. Она начала бояться ходить одна. Доктор посоветовал пить успокоительные, но от них она чувствовала себя вялой и сон-

ной и не могла работать. Потому перестала. Только теперь, стоило загреть музыку или бахнуть двери, Катрин содрогалась всем телом и нервно оглядывалась. Она перестала давать интервью и видеться с друзьями. Она осталась совершенно одна.

Только сцена спасала. Здесь Катрин жила, была не собой, а кем-то другим. Тут она чувствовала себя в безопасности. Но Альберт нашел способ проникнуть и сюда.

Альберт. Глупая ирония судьбы, заключенная в имени. Катрин тянулась к нему, благодарила, но после осознала со всей неотвратимостью, что он ее погубит. Она ощущала это на подкорке сознания, будто шестое чувство, какое ведет животных спасаться от урагана. Предугадывала его, избегала, и все равно попала на уловку. Злой рок настиг там, где она меньше всего ждала.

А ведь Катрин боролась. Она сообщила в полицию и даже наняла охрану – все бесполезно. Альберт держался почтительно и учтиво, он не подходил близко и никогда не преследовал. Над ней смеялись. “Он любит балет, да и только. Он что-то вам сделал?” – так спрашивали они. Катрин не могла объяснить, что боится его глаз, что ей страшно от одного его вида. Ее не слушали. В труппе за спиной ее обзывали сумасшедшей. Катрин перестала говорить. Она поняла, что помощи искать неоткуда и решила оставить театр.

Новость облетела заголовки газет и журналов. Прима-балерина мирового класса на пике карьеры покидает сцену. Ее

последний концерт – сегодня, в зале аншлаг. Конечно, Альберт пришел, он не мог не прийти. Он любил Жизель. Он часто говорил, что Катрин – лучшая Жизель, что это ее настоящая роль. В какой-то момент она и сама перестала отличать реальность от выдумки. Потому сейчас, услышав выстрел, Катрин не удивилась.

На боку пули отразился ангельский свет. Будто миражом в ней Катрин разглядела собственное бледное, печальное и словно бы одухотворенное лицо. Оно говорило о принятии судьбы и ее неизбежности. Ее глаза сияли. В них впервые за долгие годы не было страха.

Она еще никогда не чувствовала себя настолько живой. Взглянув прямо на Альберта, она улыбнулась. Он плакал. Катрин смогла разобрать это четко, все ее чувства обострились и оголились. Она сама стала как натянутая струна, звонко отвечающая на мелодию чужих настроений. Враз ее окатило волной восхищения и обожания всего зала. Катрин слышала их сердца, слившиеся в унисон. Они распахнулись ей навстречу, кричали о своих желаниях, и никогда еще она не была так счастлива, как теперь.

Катрин перевела взор на расписанный птицами потолок. На глазах выступили слезы. Она не прощалась. Она уходила, ни о чем не жалея и будучи любима. Она была ровно там, где должна. Только ей хотелось бы еще немного, совсем чуть-чуть... Еще одно па, красивое фуэте...

Взрыв боли оглушил. Пальцы дрогнули, росчерком кры-

ла оставив на полу длинную тень. Катрин упала, с шуршанием колыхнулись полупрозрачные юбки. Холодный свет залил белую грудь, запутался в темных волосах, закрепленных шпильками. Аккуратные розы в них расцвели словно снежинки на черной земле. С губ Катрин сорвался последний вздох. И мир вновь обрел звук и цвет.

Люди вскочили с мест, закричали. Кто-то побежал к сцене, кто-то – на выход. В зале зажглись огни, музыка стихла. Джек поднялся со своего места и посмотрел на Альберта, замершего в одной позе. Его ладонь дрожала, а губы тряслись. Он безумно, не мигая, таращился на мертвую балерину, и все его лицо искажала гримаса ужаса.

– Как много можно успеть, пока летит одна пуля.

Джек усмехнулся и надел шляпу. Его улыбка застыла так, как если бы была нарисована на подбородке не очень умелым художником. Альберт посмотрел на него, и вдруг блаженно засмеялся. Поднеся пистолет к виску, он выстрелил.

Капли крови осели на креслах. Джек надвинул шляпу ниже – на ее полы упало два красноречивых пятна. Мимо пронесся испуганный зритель, грубо толкнув плечом. Джек ступил к сцене, обернувшись: Катрин все так же безжизненно смотрела в небо. Потом бросил еще один взгляд на Альберта, взял помаятую программку и направился к выходу.

В дверях суетилась охрана, жались люди. Они ругались, плакали и кричали, пытались пробиться наружу и выяснить, что случилось. Спокойно обогнув их, Джек, никем не оста-

новленный, вышел к балюстраде театра.

Луна вошла, и, разлегшись на кучевых облаках, осыпала мир порошей. Джек прикрыл глаза, вслушавшись в мелодию, шедшую прямоком из трепетного сердца балерины. Ей вторила другая, не менее грустная и печальная. От того, кто любил Катрин больше всего на свете.

Улыбка отклеилась от лица. Стянув губы в ровную полосу, Джек спустился по ступеням. Наутро выйдут новости о прощальном спектакле прима-балерины и ее тяжелой судьбе. Мир взбунтуется и будет обсуждать это еще пару недель. А потом забудет, как забывает обо всем и обо всех. Живым нет дела до мертвецов.

Джек двинулся к автомобилю, прокрутив на пальцах ключи. Совсем скоро снег присыпал его следы, стерев их так, словно раньше и не было. А, может, и действительно не было.

Эпизод 9: Волшебник Оз

Краски липли к холсту, как жирные мухи. Генри утер лоб ладонью, размазав по нему синюю кляксу. Долгие подтеки остались на щеках и носу. Генри это не волновало, его полностью поглотила работа.

Он не спал дня три или больше. Не знал, сколько времени прошло. Время скомкалось, свернулось в бесконечную струну. Оно остановилось. Для Генри существовало только сейчас, в которое он занимался портретом.

Портрет выходил отвратительно. Шляпа все норовила сползти вбок, а узкие глаза дурашливо шурились, как Генри ни пытался их раскрыть. Портрет словно бы знал что-то, что было неизвестно самому Генри, и надежно это скрывал. Хотел, чтобы Генри догадался. А Генри безуспешно бился над предложенной загадкой и пытался уловить ее суть, смешивая краски и в очередной раз ломая холст.

Несчетное количество раз он начинал заново. Каждый раз все было не то.

– Кто ты?.. Говори со мной. Дай мне услышать тебя.

Фаланги пальцев проехали по холсту, коснувшись прямых плеч. Генри глубоко вдохнул и закрыл глаза. Перед его внутренним взором раскинулось бескрайнее небо, уходящее синевой до самого горизонта. Высокое, прекрасное. Генри представлял себя одинокой птицей, нырявшей в облака. Под

ним расстилалась земля. Он видел свое прошлое, настоящее, будущее – все сразу. Он комкал их в одну-единственную эмоцию и переносил ее на холст, как мог.

Все слилось в этом образе. Таинственный человек хотел улыбаться, углы его жестких губ постоянно поднимались вверх. Портрет будто насмехался над тщетными усилиями. Это бесило.

В отчаянье схватившись за голову, Генри преодолел расстояние от стены до стены, запнувшись о прошлые попытки. Десятки их стояли, наваленные у дверей и стен, с них всех смотрели сардонически узкие глаза. Их взгляд преследовал Генри повсюду. Засыпая, он думал о нем. Во сне он видел его, горящий над яркой улыбкой, а по утрам долго не мог прийти в себя.

– Вдохновение?.. Нет, они не понимают. Это настоящая мука.

Генри привык говорить сам с собой. Он не знал, кто посылает ему образы, да и знать не хотел. Но избавиться от них он не мог. Они застревали в его голове так прочно, так сильно, что Генри впивался в кожу до крови, пытаясь выцарапать особо страшные картины – а такими они оборачивались частенько. Тщетно. Они оставались с ним, пока не получали свое отражение на холсте. Лишь тогда словно освобожденные души они прощались, застывая навечно памятником мыслей Генри. И покидали его ненадолго, пока не приходили новые.

– Сон, явь... Разве имеет это значение, когда ты живешь в двух мирах одновременно?

Частенько Генри думал, что он сумасшедший. Он давно не видел белого света. Весь его мир сосредоточился в рабочей комнате. Обеспокоенные, время от времени старые родители приносили ему еду. Только Генри не мог отвлечься. Будто не в своем уме он продолжал занятия, он чувствовал, что обязан сделать больше. Он пытался передать то, что не покидало его. Он должен был рассказать, но не знал, как.

– Я великий? Или я отверженный? Должен ли я видеть это?

В мучении Генри выдавливал краски на палитру и пытался подобрать то землистый цвет кожи, то темно-коричневую матовость твида. Он работал без отдыха, осознавая, что это лучшая картина за весь его век.

– Имя... Тебе нужно имя. Как тебя зовут?

Портрет только иронически молчал. В каждой его морщинке угадывалось желание посмеяться над непутевым художником, какой не мог справиться с собственным существом. Как же он раздражал Генри! Генри его ненавидел!.. Только оборвать работу не мог. Словно зачарованный, он продолжал. Кисть медленно выводила черты, после уверенно рассекала скулы. Тени селились под широкими полами шляпы и собирались в морщинках у глаз. Спускались к едко искривленным губам. Наконец, появились и крупные, как у лошади, зубы с слегка выступающими резцами. Ровные,

плоские, они довершали картину, создавали ее неповторимый шарм.

Ступив назад, Генри поднял кисточку и прищурил правый глаз, сверив пропорции. Один из зубов оказался слишком выдвинут вперед, пришлось его поправить, добавив скол.

– Неужели все?

Генри не верил собственным глазам. Портрет смотрел на него, чуть прищурившись, будто настоящий живой человек стоял напротив. Нужно было это обдумать, взглянуть на свежую голову, но Генри был для этого слишком возбужден. Одновременно на его плечи опустилась бесконечная усталость.

Рассеянно подхватив кружку с остывшим кофе, Генри отхлебнул и поморщился – кисло и пахло краской. Странно. Он ведь почти перестал замечать запах, слишком часто работал в душном помещении. Нестерпимо захотелось открыть окно.

Размашисто Генри подошел к подоконнику, но побоялся, что свежий воздух повредит краски. Обернувшись, он вдруг застыл, как вкопанный: портрет смотрел на него.

Не показалось, не могло. Генри потратил сотни часов на эти глаза, он в точности знал, куда направлен взгляд, скрывавшийся за тяжелыми веками. Он смог бы повторить их выражение, даже ослепнув. Но теперь глаза, еле заметно приоткрытые, совершенно бесстыдно пялились на Генри.

– Джек... Понятно. Это имя тебе и правда подходит. Так тебя и назову.

Генри взял кисточку и согнулся над холстом, чтобы поставить фирменную роспись в углу. Но не успел. Костлявые ладони схватились за край портрета в попытке выгрызть путь наружу. Ошарашенный Генри повалился на пол и остервенело замотал головой.

– Нет, нет, это не так. Не так было! Джек, что ты делаешь? Остановись!

Руки лежали на коленях, так почему теперь они касались края? Генри этого не писал, не создавал. Все было совершенно неправильно.

По портрету пробежала рябь. Будто круги на воде краски разошлись, заволновались. Дымясь пузырями, они с громкими хлопками полопались, брызнув цветными каплями на стены, пол, Генри. А после острые ногти выскользнули из холста, надорвав его.

Генри закричал, задергал пятками, отползая. Зря. Джек высунулся из портрета по пояс. Его шляпа съехала набок и, наконец, обвалилась на груды испорченных картин. Длинная рука ухватила Генри за ногу.

– Нет, пусти! Что ты хочешь? Я ведь сделал все, как ты сказал! Убирайся к черту!

Джек улыбнулся. Крупные зубы замерзли волчьим оскалом, растянули сухое лицо на две части. Генри подтащили к мольберту. Отбиваясь, он принялся яростно колотить портрет, Джека это позабавило. Он склонился к лицу Генри, и тот вздрогнул, всмотревшись в глаза напротив. В них отра-

жалась пустота.

– Глаза... Я не написал тебе глаза.

Колючие руки жадно обхватили Генри за плечи. Леденящие душу объятия продолжались недолго: Джек втянул Генри в портрет, а сам вывалился наружу. Острый, как иглы, смех залил кабинет. Джек встал на ноги и педантично отряхнул пылинки с костюма. Потом поднял шляпу и царственно водрузил ее на голову. Взяв недопитый кофе, он отхлебнул из кружки и тщательно оглядел холст. Там в безмолвной муке приник к краям Генри, окостенев навеки в одной-единственной позе. Его глаза были широко распахнуты, а пальцы вгрызались в краски, будто бы он стремился разорвать их и вырваться наружу. На лице запечатлелась томительная агония.

– Ты ведь хотел остаться в их памяти навечно?

Джек отсалютовал портрету кружкой и отставил ее. С усмешкой он достал зажигалку: по щелчку колесика пламя зажглось, опасно лизнув сигарету. Джек выпустил ртом дым, а потом с прищуром посмотрел на разведенную для красок спиртовую смесь. Подойдя к ней, он издевательски поднес пламя, не коснувшись смеси, и долго посмотрел на портрет. После захлопнул крышку зажигалки и молча вышел из кабинета, оставив дверь открытой.

– О, вы были у нашего Генри? Позировали ему?

По коридору с подносом шла старушка: тарелка супа и чашка горячего чая. Джек с улыбкой ей кивнул, опустив по-

лы шляпы ниже.

– Он так любит этот портрет, наш Генри. Он ведь такой гениальный, правда?.. Его пока не признают, но он обязательно станет великим однажды. О нем будет говорить весь мир!

Джек еще раз кивнул, его улыбка стала шире. Пропустив старушку к кабинету, он добрался до двери, и уже там услышал ее надсадный крик и звон разбитой тарелки. Нажав на дверную ручку, Джек переступил порог. Постояв с секунду на крыльце, он затушил сигарету о перила и, насвистывая, принялся спускаться. Больше его здесь ничто не держало. И никто.

Послесловие

Спасибо, что дочитали! Надеюсь, история пришлась вам по душе. Как думаете, Джек еще вернется?..

Если вам понравилось, подписывайтесь на мою группу во Вконтакте, чтобы следить за новинками: <https://vk.com/krasnichworld>

Я пишу о людях-монстрах и о чудовищах с человеческой душой. Думаю, книга – это всегда диалог, так что буду рада видеть вас у себя.

До встречи, мой дорогой читатель.